

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ЯШАР БУНЬЯД

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

Еще летают самолеты...

Рассказ «Еще летают самолеты...» стал в 2018 году победителем Международного конкурса рассказа, посвященного памяти Мир-Джалала Пашаева.

*Проснуться утром рано
И стать ребенком вдруг.
Увидеть близких дома,
Ушедших тесный круг.*

*...Неужто вмиг исчезнут?
Запри-ка быстро дверь.
Пусть в комнате с тобою
Гостит твой новый друг.*

Рамиз Ровшан

...Теплый ветер поцеловал меня в щеку, коснулся носа и губ, погладил кончик усов, наполнил наш маленький дворик пьянящим ароматом жареных каштанов, медовой пахлавы и халвы из сямени. Весь смак праздничных яств витал в воздухе города. Эти запахи я чуял с самого детства в маленьких крепостных двориках, стоящих впритык, в каждом камне крепостных стен, каждой щели мощеных булыжником улиц. Однажды буйный хазри принес вместе с собой чуждый запах – пороховую гарь. («Пусть те дни уйдут навсегда», – говаривала бабушка). Он принес вместе с собой смятение, ужас и смерть, унес взамен молодых и крепких мужчин, а затем в двери постучались «письма-треугольники», но этот ветер не смог унести родной запах, впитавшийся в каждый камень Ичеришэхера...

Только-только наступило утро, ночью я и глаз не сомкнул. Сообщение, поступившее ночью на телефон, переполошило мои мысли, отогнало сон... Копаясь в собственной памяти, я бесцельно прохаживаюсь в одиночестве по безлюдной площади, но ничего припомнить не мог.

Гилавар, играя с соленым, пахнущим мазутом морским воздухом в узких переулках, вспугнул весенний туман, приникший к щербатым каменным стенам Крепостной площади; серебристо-фиолетовый туман осторожно сполз с Шемахинских ворот и растворился в шири Внешнего города...

Праздничное веселье закончилось еще вчера, но покрытые росой, точно жемчугом, деревянные киоски, где продавался антиквариат, ковры, сувениры, сладости и всякая снедь, покрытая брезентом сцена в южной части площади, гигантские колонки остаются на прежних местах. Покачивающиеся на весу разноцветные лампы чертят на влажной от росы брусчатке причудливые кляксы в духе Пикассо...

Одет я легко, потому стало холодно. Я поспешил обратно домой. Может, снять с полки какую-нибудь скучную книгу и заснуть за чтением? Я перевероршил библиотеку, но ничего скучного найти не смог... Налил себе чашку холодного кофе и вышел на балкон. Заснуть всё равно не получится.

Я оглядываю темную улицу. Дома в нашем тесном квартале стоят впритык друг к другу, как неразлучные друзья, словно танцуют яллы вдоль кривого тупика. Извивающиеся переулки столь тесны, дома стоят столь близко друг к другу, что, без всякого преувеличения, крыша соседнего дома находится на расстоянии вытянутой руки. Дед говаривал, что именно эта близость причина тому, что обитатели Крепости живут сплоченно, словно члены одной семьи... Я вижу собственное отражение в широком окне жившего напротив соседа, который уже два года, как переехал в Германию. На меня смотрит уставший, утомленный человек...

Я вернулся в комнату. Вдруг дом слегка затрясло. Значит, уже шесть часов, заработало метро... Метро – подземные куранты Ичери шэхера. Почему-то порой мне кажется, что в тех зданиях, под которыми проезжают поезда, не бывает курантов...

Я лег на диван и включил телефон, перечитал сообщение, пришедшее на WhatsApp: «Сладкий гогал и Джыртдан». Перед тем, как спуститься во двор, я перечитал его без малого раз пятьдесят. Долго ломал голову, но понять ничего не мог. Какой гогал?.. Какой Джыртдан? Да и на праздничную шутку в Новруз-байрам это непохоже... Кто это собрался меня доконать?! Этого еще не хватало!.. Ни номер, ни код мне незнакомы. Я перезвонил, но никто не ответил. Я написал сообщение, спросил «Кто это?».. Но мне не ответили.

Сначала я заподозрил Рауфа. Он знал, что сейчас вся моя семья в Стамбуле. Наверное, хотел подшутить надо мной. Не к лицу ему это, не по годам, но такие шуточки он любит с детства. Я позвонил ему, но он стал божиться, что понятия ни о чем не имеет. Я поверил, потому что он поклялся могилой своей матери... Так кто же это мог быть?

«Взять бы сейчас и спуститься в метро, сесть в вагон, прокататься пару часов туда-сюда и отоспаться заодно, а о гогале забыть... Многие ведь отсыпаются в метро». Почему бы и нет! Я оделся и вышел... и вдруг обнаружил себя в парке имени Вахида, на месте бывшего дома тети Бясти. Оказывается, для того, чтобы вернуться в детство, не нужны ни летающий ковер, ни птица Симуург. Достаточно захотеть этого, отрешиться ото всех забот и проблем и вернуться в те годы. Хотя бы на миг... Кажется, нежданное сообщение пробудило мою память и теперь вело меня вслед за воспоминаниями, притаившимися в каждом уголке чудной и родной Крепости...

Я помню всё: старое тутовое дерево, приникшее к потрескавшейся стене дома на углу кособокой улицы, полуразвалившуюся железную кровать под этим деревом, стоящий чуть поодаль большой котел для кира с растопкой, ржавую железную лестницу, свисающую с крыши двухэтажного дома, виноградные побеги, обвившие эту лестницу, птичник Садуллы, получившего восемь лет за то, что ударил ножом студента из района, который «плохо посмотрел» на соседскую дочь, покрытую тентом «летнюю» будку мороженщика Шафикиши, оглушительный рокот моторов и скрежет тормозов, доносящиеся с автобусной остановки между станцией метро и крепостными стенами...

...Мы с моим двоюродным братом Салимом были сверстниками, потому я всё свое время проводил с ним, домой приходил только спать. Будь моя воля, я бы всё лето провел у тети. Отец и мать уже устали меня упрекать. «Вагиф, родной, заходи

иногда к себе домой»... После этих полушутливых-полусерьезных слов бабушки я, застыдившись, стал приходить домой вовремя, когда звучали позывные программы «Время». Я знал, что стоит бабушке обидеться и – не видать мне денег на мороженое и кино!..

За исключением полуденного пекла, все наши дни проходили на крыше у Салима. С нашей крыши даже Девичья башня не была видна, а с их крыши море смотрелось как на ладони. Отец Салима поднял на крышу старую железную кровать, побросал на нее выдавшие виды матрас и подушки, из которых выбивался пух... Под колесики кровати он подложил обернутые в промасленные страницы «Огонька» деревянные бруски, чтобы колесики не продырявили кир. Белый шаны, добравшийся до самой крыши, так широко раскинул свои побеги, что полностью покрыл чердак над кроватью, да еще и частью на улицу свесился. Душными ночами кровать принадлежала отцу Салима, а днем находилась в нашем распоряжении. Лежа на кровати и глядя на море, мы представляли, что находимся на широкой палубе корабля, бросившего якорь на берегу древней, неприступной крепости. Бескрайнее небо над головой, синий Хазар вокруг, белые чайки, серебряные волны... гордая Девичья башня... дворец Ширваншахов... устремившиеся ввысь минареты... точь-в-точь как в сказке Синдбада! Ветер играл накрахмаленными простынями, которые тетя развешивала сушиться, и тогда крыша превращалась в настоящую парусную лодку, оторвавшуюся от берега и устремившуюся в ширь моря...

Я передумал спускаться в метро.

На мгновение я закрыл глаза. Казалось, что тот дом, снесенный тридцать восемь лет назад по причине аварийности, стоит на прежнем месте. Тетя Бясти зовет Салима, меня и Пакизу со двора: «Жарко, идите домой»...Казым киши и дядя Агасефер играют под тутовым деревом в нарды, попыхивают папиросами, попивают крепкий чай. Раньше мне казалось, что эти мужчины живут здесь же, под тутовым деревом, ведь они там в любое время суток... Все дворовые ребята, завидев Шафи киши с «будкой» на колесах, мчатся домой за деньгами на мороженое... В ноздри мне ударяет запах кира, размягченного от жары... На веревках для сушки белья покачиваются белые простыни... Я чувствую на пальцах и губах сок хартута... Так захотелось мороженого. Побежать бы домой, за деньгами...

Прежде чем снести тетин дом, государство выделило ее семье четырехкомнатную квартиру. На Ясамале. Помню, дядя Джафар поймал «ЗИЛ», и весь двор, от мала до велика, помогал грузить вещи. Мы так радовались! А больше всех – Салим и Пакиза. Ведь они переезжали в новую квартиру... Лишь тетя и дядя Джафар выглядели расстроено. Мы своим детским разумением еще не могли понять, сколь тоскливо покидать родной очаг. Тогда я впервые увидел, как горько плачет тетя Бясти. Моя мама не переставала утешать свою сестру, но поток ее слез не прекращался. «Как я буду там жить?», – не переставала спрашивать тетя, будто Ясамал находился за тридевять земель.

Теперь я думаю: как хорошо, что когда бульдозер безжалостно сносил дом, тети там не было. Этого бедная женщина, наверное, не выдержала бы...

Весеннее солнце скупо греет воздух.

Я медленно спускаюсь вниз по Кичик Гала. Дойдя до бани Ага Микаила, я вспомнил деда. Каждый раз, смотря фильм «Не та, так эта», покойный говорил: «Моя, дядина, отцовская свадебная баня, как у Мешади Ибада, состоялась здесь. Вагиф, сынок, я поклялся, если доживу до твоей свадьбы, пущусь в пляс и сам дам банщику

червонец»...Бедный дедушка, не дожил до моей свадьбы. Да если бы и жив был, всё равно не воплотил бы мечту, потому что в год моей свадьбы баню закрыли на ремонт, искупаться мы пошли в «Фантазию».

Я ступаю вперед и провожу, как и дед, пальцами по щербатым камням, чувствуя тепло. Он говорил, что эти камни впитали тысячелетний жар. Правду говорил дед.

Прежде Ичери шэхер не знал такой сутолоки. Мы заходили в одни крепостные ворота и выходили через другие. Я вижу крыши, откуда мы запускали воздушных змеев, улицы и переулки, где мы играли в прятки и в войнушку, и осколки детских воспоминаний несут меня вслед за собой.

Я спустился по ступенькам в полутемную тесную улочку, пошел дальше по извивающимся лабиринтам переулков и остановился, дойдя до мечети Сыныг-гала. Если не ошибаюсь, в ближайшем доме жил мой одноклассник Джафар. Теперь он большим человеком стал. Работает в нефтяной компании. Слышал, что дом он продал.

Я прошагал чуть вперед. Кажется, в доме шел ремонт. В прежние времена окна этого дома, чьи стены и низенькая крыша были увиты плющом, всегда были распахнуты, и вся улица пропитывалась запахом жареных кутабов и пирожков. Моя бабушка брезговала «противным» подсолнечным маслом, потому пирожки у нас никогда не жарили. Когда нам хотелось пирожков, мы тайком сбегали к углу центрального гастронома, покупали горячие пирожки с печенкой и картошкой и, конечно же, шатались по городу, жуя жвачку «Джыртдан», чтобы отбить запах подсолнечного масла и не выдать себя дома. Удивительно, но Джафар, у которого дома постоянно жарили пирожки и кутабы, налетал на купленные нами, говорил, что они вкуснее, чем домашние. Только потом мы узнали, что днем мать Джафара работает уборщицей в музее, а по вечерам готовит пирожки и кутабы по заказу какого-то кафе. Конечно же, тайком – такие дела в то время считались преступлением. Ведь оставшаяся без мужа женщина должна была кормить большую семью...

На улице Бёюк Минарэ у моего друга ковровый магазин. Наверное, он уже открылся, подумал я, дай-ка проведаю, поздравлю с праздником, а потом спущусь на бульвар. На подходе к Базарной площади на мой телефон пришло сообщение. Это была старая фотография. Я внимательно ее разглядел. Кажется, мы сфотографировались у дверей Рауфа. Выцвела, будто под солнцем, лица различить трудно, но я узнал всех. «Боже, а у меня даже нет этой фотографии». Нам по четырнадцать лет. Прислонившийся к дверному косяку и скрестивший на груди руки – Рауф. Рядом с ним стою я. Надменно улыбаюсь. Офа (Офелия) выглядит, как Наргиз из фильма «Бродяга», улыбается, приложив палец к щеке, только сари не хватает. Салим присел на ступеньке с кожаным мячом под мышкой, точно Банишевский. «Ну и ну... шельмец... До чего смешон»...Фирангиз обнимает стопку книг, которую держит на коленях. «Фира теперь доктор»... Рядом с ней... Лала. Она улыбается, опираясь подбородком на футляр скрипки... А Агасемид в кадр не попал, ведь фотографировал именно он...

Значит, сообщение прислала Лала?! Прошло ровно тридцать лет... Не забыла, значит...

...Ее отец был знаменитым нефтяником. Через неделю им предстояло переехать в Тюмень. Навсегда. Я не хотел, чтобы она уезжала. Она знала, что нравится мне. Неожиданно я предложил ей попросить у меня чего-нибудь. Всё, что пожелает... Интересно, чего, думал я, может попросить девочка четырнадцати лет у мальчика, ко-

того она больше не увидит и, возможно, забудет навсегда? Я столько всего предполагал!.. Но когда она сказала, что хочет посмотреть на восход с Девичьей башни, я в удивлении уставился на наивную девочку. Мне хотелось сказать, что это невозможно, но я передумал ее разочаровывать.

– Ты никогда не видела восхода солнца? – спросил я.

– Нет, – ответила она, – я всегда опаздывала. Я ведь соня...

Я объяснил, что Девичью башню запирают на ночь, а открывают утром, после восхода. Ведь башня – музей. Значит, на восход надо смотреть с другого места. Например, с крыши вот того высокого здания, с последнего ряда «Зеленого театра» или же из Нагорного парка. Там еще выше. Ты станешь первой, кто увидит, как Солнце согревает своими золотыми лучами море, город и саму Девичью башню... Если хочешь... хочешь, я отведу тебя туда.

– Хочу.

...В утренних сумерках, ничего никому не говоря, мы выбежали из дома и бежали до самого памятника Бахрам Гуру. Казалось, в огромном городе не было никого, кроме нас, а то легко было бы принять нас за сумасшедших. Мы поднялись по ступенькам вдоль фуникулёра и встали лицом к лицу с Хазаром. Оба запыхались. Немного спустя мы увидели проблеск там, где море сливалось с небом. Это было рождение нового дня. Чарующее зрелище! Казалось, какая-то гигантская невидимая рука с небес медленно-медленно покрывает гладь моря сусальным золотом. Я обернулся и взглянул в глаза Лалы; в ее глазах сияло золотом Солнце. Через десять-пятнадцать минут солнечный покров окутал ее целиком...

Она взяла меня за руку. Ладонь ее горела. Я тоже был взволнован. Вдруг она обняла меня. Глядя на море, целующеся с солнцем, она обвила мою шею руками. Я растерялся от неожиданности. Колени мои дрожали. Она так крепко прижалась к моей груди!.. Мои губы коснулись ее щеки. Она закрыла глаза, наполненные пламенем солнца. Не знаю, нарочно или нет, но когда она повернулась влево, ее губы впились в мои... Я вздрогнул и отпрянул. Ее щеки алели, как маки...

Возвращаясь, мы нашли в парке забытый кем-то сверток. Раскрыли его и увидели внутри разломанную, но нетронутую булку с повидлом и тоненькую книжку – сказку «Джыртдан». «Судьба», – сказали мы и съели булку. А книгу Лала пообещала сохранить в память об этом дне. Она выглядела такой счастливой! Я не знал почему: то ли потому, что увидела восход, то ли потому, что нашла забытую кем-то книгу сказок, то ли потому, что донесла до меня свои чувства, которые скрывала до этого дня...

В тот день отец, человек строгий и консервативный, впервые поднял на меня руку. Видимо, по его мнению, я совершил нечто постыдное. Не будь бабушки, на мне живого места не осталось бы. Лалу тоже не выпускали из дома до самого отъезда...

«Я пришел на вокзал проводить тебя раньше всех. Но подойти к вагону не осмелился. Стоя в сторонке, я украдкой наблюдал, как вы прощаетесь с близкими и родными. Я увидел, как ты вошла в купе раньше родителей, просунула голову в полуоткрытое окно и стала оглядываться по сторонам. Мне так хотелось оказаться рядом с тобой... Прости... Если б ты не уехала...», – я хотел было написать всё это ей, но в эту минуту пришло голосовое сообщение:

«Вагиф, привет! С прошедшим праздником! Узнал? Может, ты давно уже меня позабыл... Мой голос немного огрубел. Наверное, от здешнего мороза... Помнишь тоненькую книжку? Я имею в виду «Джыртдана». Эта книга всё еще у меня. Раньше я